

— Как у вас могла появиться такая мысль? Вам очень идет, — искренне похвалил старый управляющий. Кажется, даже если бы Август надел «новое платье короля», тот восхитился бы божественным замыслом.

Август указал в окно, вниз, где через двор прогуливался наследный принц Ричард. Этот маленький «принц-пирожок» тоже с нетерпением ждал поездки в Олений парк и в последнее время настаивал, чтобы за обеденным столом его видели исключительно в охотничьем костюме.

Там, где принц-пирожок их не видел, но Август с высоты прекрасно наблюдал, множество служанок визжали от восторга. «Какой же принц милый!» Большинство вещей в миниатюрном размере обретают особую прелесть. Наследный принц в детском охотничьем костюме был тому живым примером — и при этом совершенно не осознавал этого, полагая, что выглядит великолепно.

Перед столь убедительным доказательством старый управляющий сохранил невозмутимость:

— Если вы встанете рядом с наследным принцем, проблема решится сама собой.

Август задумался и решил, что управляющий прав.

До самого утра, когда все уже были готовы к отъезду. Мисс Мария, вновь обзаведшаяся кавалером и сохранявшая надменный вид, не смогла сдержать эмоций и по очереди чмокнула в щёку и Августа, и наследного принца.

Два мальчика-дворянина, в похожих охотничьих костюмах, один побольше, другой поменьше, в один голос подняли головы и уставились на мисс Марию с идентичным выражением полного недоумения на лицах.

Жизненный урок: удвоение милоты не придаёт первому величественности, а лишь вызывает кумулятивный эффект.

Август и принц переглянулись, затем медленно, очень медленно отодвинулись друг от друга, в глазах — необъяснимое отторжение к собственному брату.

Ричард II громко рассмеялся, наслаждаясь зрелищем, но вмешиваться не собирался.

Охотничья процессия была огромной. Включая недавно признанную королём сестру, принцессу Анну, не остался в стороне ни один член королевской семьи. Приближённые короля дворяне и министры тоже привели семьи. Даже редко появлявшаяся на публике королева-мать почтила событие присутствием, без малейшего, впрочем, намерения садиться в седло. Она лишь засунула руки в чёрную муфту из соболя, накинула подходящую пелерину и принялась наблюдать, как её сын и внук дурачатся.

Для королевы-матери, выдавшей войны, смерть и мятежи, охота её отпрысков на оленей и впрямь смахивала на дурачество.

Эта внешне безмятежная пожилая дама, поглаживая шерсть гончей, ободряюще сказала Августу:

— Лишь бы вам было весело.

Августу почудилось, будто в глазах доброй бабушки мелькнула неподобающая насмешка.

— Хочешь совет, милый? — с улыбкой спросила королева-мать.

— Пожалуйста.

— Не соревнуйся с Лиз в охоте на оленей. Даже если она младше и в юбке. — К внукам королева-мать всё же питала слабость — по крайней мере, наследному принцу таких слов она бы не сказала.

Мисс Елизавета, обычно казавшаяся совершенно незаметной, в седле преображалась. Взгляд становился острым, стрелы летели точно, и даже на фоне бывалых рыцарей, гончих и егерей, она в своём пламенеюще-красном платье оставалась самым ярким пятном. Её осанка и движения были так уверены и грациозны, что дух захватывало.

Куда девалась та белая лилия, невинная жертва обстоятельств, о которой все толковали? Обман!

Будучи дочерью короля — пусть номинально бастардкой и служанкой при наследном принце — мисс Елизавета получила всё положенное образование и даже превосходила в усердии большинство дворянок.

Просто мисс Елизавета держалась слишком скромно, а на фоне властной мисс Марии создавалось впечатление, будто она — невидимка. Лишь на охоте понималось: она — настоящая королевская дочь. Молчаливая, но с целым морем внутри.

В такой ситуации Август, естественно, не стал бы подставляться и вызываться на состязание. Последние семь лет он и так был не в себе, а верховой ездой и стрельбой занялся лишь год назад. Чтобы переиграть Елизавету, пришлось бы прибегнуть к чему-то сверхъестественному.

И это «сверхъестественное» звалось Рафаэль Мортимер.

— Как хочешь выиграть?

— Не хочу выигрывать. Лишь бы не опозориться, — у Августа не хватило бы наглости жульничать ради победы над кухней. Он просто не желал ударить в грязь лицом.

— ... — Рафаэль испытывал глубокую досаду от отсутствия честолюбия у Августа, но одновременно ему хотелось рассмеяться. — Ладно. Если тебе нужно лишь это, ты вполне способен удовлетворить себя сам.

— А?

После начала охоты Август быстро понял, что имел в виду Рафаэль.

Во-первых, добыча рыцарей засчитывалась их сюзерену. Одного лишь рыцаря-командора Андре хватило бы Августу, чтобы заткнуть за пояс большинство изнеженных дворян.

Во-вторых, олени в Оленьем парке были по большей части ручными мясными животными. Их существование мало отличалось от участи домашней птицы — вырастили, чтобы съесть. Привыкшие к кормлению слугами, они людей не боялись. Да к тому же, после летнего откорма травой и осеннего накопления жира на орехах, большинство расплнело настолько, что едва могло бегать. Добавь сюда рыцарей, которые разгоняли стада и помогали в охоте, — и даже дурак сумел бы добыть зверя.

Август несколько раз наткнулся на таких глупых оленей. Как близко он ни подходил, они редко убегали. Один так и вовсе глупо бросился навстречу, тычась мордой и выпрашивая угощение.

Август: ...

Было очевидно: раз Ричард II прихватил даже трёхлетнего наследного принца, не говоря уж о дворянках, с трудом передвигающихся в пышных юбках, — охота с самого начала задумывалась как забава для детей и дам. В Оленьем парке не водилось опасных зверей. Но отсутствие опасности и добровольная «доставка на дом» — всё же разные вещи.

Неужели команда организаторов не могла проявить хоть каплю старания?!

В итоге Август слез с коня и от души наигрался с глупым оленем Бэмби.

А что до охоты... Что это вообще такое? Не знаю. Наверное, происки оленей-инопланетян! К концу забавы у Августа даже возникло желание оставить этого оленя у себя.

Высокий рыцарь-командор молча стоял позади, настороженно озираясь, — работа его стала куда хлопотней, чем когда Август был в седле. Но он не жаловался и не торопил. Лишь когда герцог собрался было вести оленя с собой, рыцарь-командор вынужден был вмешаться.

— Почему? — спросил герцог.

— Если мы заберём его, родители не найдут его и будут беспокоиться, — мягко ответил рыцарь, оберегая детские чувства юного господина.

Давно лишённый подобных чувств Август уставился на него взглядом, полным безнадёги:

— Я похож на того семи- или восьмилетнего ребёнка, которого так легко обмануть?

— Нет, ваша светлость. Вам девять.

— ... — Ещё слово — и я тебя укушу!

В затянувшемся противостоянии рыцарь-командор наконец назвал истинную причину:

— Это мясной олень. Держать его в качестве питомца... несколько стыдно.

Олени и в современности остаются промысловыми животными, и лишь некоторые виды охраняются. Британские эксперты даже поощряли отстрел диких оленей для сохранения экобаланса, когда тех расплодилось слишком много. В эпоху, не знавшую Диснея и «Бэмби», для большинства дворян эти мясные олени мало чем отличались от домашних кур и уток — просто источник более постного и нежного красного мяса.

Родители дарят детям котят и щенков, но редко — телят или осят, верно? Мясной олень относился к последним.

К тому же, дворяне — народ придирчивый и праздный. Они готовы высмеять даму за повторное платье на разных балах, не то что за такого рода причуду.

Август наклонился, погладил совершенно неагрессивного и явно привязавшегося к нему глупого оленя. И прежде чем рыцарь-командор, дрогнув, готов был выдохнуть: «Да забудь, что говорят другие, хочешь — забирай», — Август кивнул и отказался от своей затеи.

<http://bllate.org/book/15929/1423958>